

ROZHĽADY

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ДАНИЛЕНКО*

Культурная семантика славянской архаической идиоматики:
золотой поросёнок и солнечный зайчик

DANYLENKO, L. I.: Cultural semantics of Slavic archaic idioms: golden pig and sunny bunny. *Slavica Slovaca*, 56, 2021, No 1, pp. 69-78 (Bratislava).

The article attempts to reconstruct the internal form of idiomatic expressions *a golden pig* in the Czech language and *a sun bunny* in the East Slavic languages. The cultural and mythological basis of these expressions is revealed by comparing the archaic solar symbolism of animalistic components in the context of traditional folk beliefs. It is shown that the interlingual differences in motivational images of the idioms developed as the result of not genetic, but typological parallels closely related to the peculiarities of the sacred meanings of the calendar (Christmas) and everyday life.

Cultural and mythological semantics, semantic and motivational reconstruction, semantic parallel, Czech language, East Slavic languages.

Вступительные замечания. Романтика языческой старины издавна привлекала внимание ученых разных наук – историков, лингвистов, философов, этнографов. Немало в этой области исследовано и описано. Достаточно привести труды Б. А. Рыбакова,¹ Н. И. Толстого,² фундаментальные энциклопедические словари «Славянская мифология» (первое издание в 1995 г.), «Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт.» (1995–2012), статьи в периодическом сборнике «Славянский и балканский фольклор» (1971–2011), словари В. Войтовича,³ В. Жайворонка⁴ и др. Из новых обобщающих работ этого направления можно назвать, например, монографии М. М. Валенцовой,⁵ Л. Н. Виноградовой,⁶ С. М. Толстой.⁷ Материалы этих и многих других исследований позволяют выделить основные тематические группы славянского язычества, которые послужи-

* Людмила Ивановна Даниленко, доктор филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина, 01001, Киев, ул. Владимирская 64, ведущий научный сотрудник Института языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Украина, 01001, Киев, ул. Грушевского 4.

¹ Рыбаков, Б. А.: Язычество древних славян. Москва: Наука, 1981. 607 с.

² Толстой, Н. И.: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик, 1995. 512 с.; Толстой, Н. И.: Очерки славянского язычества. Москва: Индрик, 2003. 624 с.

³ Войтович, В.: Українська міфологія. Енциклопедія народних вірувань. Київ: ФОРТЕ, 2014. 688 с.

⁴ Жайворонек, В.: Антологія знаків української етнокультури. Київ: Наукова думка, 2018. 758 с.

⁵ Валенцова, М. М.: Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. Москва: Индрик, 2016. 616 с.

⁶ Виноградова, Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. Москва: Индрик, 2016. 384 с.

⁷ Толстая, С. М.: Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. Москва: Индрик, 2019. 704 с.

ли источником формирования идиоматики славянских языков: 1) Языческие сакральные силы – стихии, боги, духи и т. п.: *метать Перуны, метать громы и молнии, как на духу, посылать к чёрту/ к лешему; ну вас ко всем чертям; ну тебя к ляду, черта лысого, у черта на куличках, нечистая занесла, змея подколотная*, слвц. *chodí jako zmok*⁸ и др.; 2) Языческое сакральное пространство – *край земли, край света, на чем свет стоит, за колдованный круг, в тихом омуте черти водятся* и др.; 3) Магическое воздействие на человека и его судьбу: *живая вода, мертвая вода, дурной глаз, холера тебя (его, их) возьми, стоять как заколдованный, как в воду глядеть, заговаривать зубы, перейти дорогу* и пр.

Роль языка в изучении традиционной народной культуры славян с давних пор хорошо понимали ученые разных научных школ. Уместным здесь будет мнение словацкого литератора 19 в. В. Паулини-Тота: «Миф – это мышление, это яркая мысль того же сознания, и именно поэтому при исследовании мифологии не позволительно отделять язык от предметного мира, то есть лингвистику от мифологии, <...> ибо одна другую поясняет и дополняет, ибо одна и другая одновременно являются творением сознания наших пра- и прапрадедов» («Báj je myslením, je barvistou dumou tohože ducha, a práve preto pri bádaní mythologie nedovoľno deliť od seba reč a vec, čili jazykozpyt od bájeslovía, <...> lebo jedna druhú vysvetľujú a doplňujú, lebo jedna i druhá sú rovnak a časným výtvorom ducha našich pra- a predpradedov»).⁹

С позиции сегодняшнего дня можно говорить, что, несмотря на достижения в области славянских древностей, до сих остается мало изученным культурное содержание славянской идиоматики, в которой отразились народные традиции, верования и мифологические представления. Полностью оправданным выглядит замечание М. М. Валенцовой: «Изучение сакральной фразеологии и паремологии требует специальных знаний в области традиционной народной культуры, чем и объясняется, видимо, редкое обращение фразеологов к этой теме».¹⁰ В этой связи тема международной конференции «Перцепция сверхъестественного во фразеологии. Славифраз-2019», предложенная профессором Марией Добриковой, председателем Словацкой фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, безусловно, является актуальной. Опубликованный сборник статей¹¹ проливает свет на многие «темные места» славянской архаической фразеологии.

Отметим также, что процесс сбора культурно-мифологического материала затруднен ввиду отсутствия в славянских языках специальных фразеологических словарей, содержащих развернутые историко-этимологические комментарии. Первым значительным результатом историко-этимологической интерпретации славянской фразеологии на фоне различных языков мира явился словарь русской фразеологии,¹² но материал, восходящий к древнейшему периоду традиционной народной культуры, представлен в нем частично.

Предлагаемая статья посвящена семантической реконструкции внутренней формы идиомы чешского языка *zlaté prasátko* на фоне восточнославянских образных выражений рус. *солнечный зайчик*, укр. *сонячний зайчик*, белор. *сонечны зайчык*. Являясь преданьями старины глубокой, они дошли до наших дней в затемненных образах и в той или иной степени актуализировались в современных языках. Семантическая реконструкция в та-

⁸ См. Dobříková, M.: Zmok – poverové predstavy a ich perцепcia z hľadiska etnofrazeológie. In Dobříková, M. (ed.): Perцепcia nadprirodzena vo frazeológii: Slavofraz 2019. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2019, s. 82-89.

⁹ Pauliny-Tóth, V.: Slovenské bájeslovie. Turč. Sv. Martin: nákl. Spis., 1876, s. 22.

¹⁰ Валенцова, М. М.: Мифологический аспект словацкой фразеологии. In: Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. Москва: Индрик, 2013, с. 201.

¹¹ Dobříková, M. (ed.): Perceptions nadprirodzena vo frazeológii: Slavofraz 2019. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2019. 373 s.

¹² Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Москва: Астрель, 2005. 926 с.

ком понимании является семантико-мотивационной реконструкцией. Она призвана выявить логику формирования внутренней формы идиоматического выражения, определить импульсы и механизмы, лежащие в основе семантических процессов фразообразования. В отличие от семантической реконструкции лексики, под которой «чаще всего понимают одну из составляющих этимологического анализа, позволяющую восстановить исходный (первичный) смысл слова, который, как правило, скрыт от носителей языка толщей времени»,¹³ семантическая реконструкция идиоматических выражений языка опирается на комплекс факторов – собственно языковых, ментальных, культурно-прагматических, мотивирующих значение образной единицы.

Символика солнца в народных верованиях и ее вербализация в славянских языках. Говоря об архаических чертах народной культуры, мы принимаем во внимание факт, что все, что выходит за рамки христианского учения и мировоззрения, может служить предметом для толкования в дохристианском измерении. Язычество, как отмечал Б. А. Рыбаков, возникнув в церковной среде, первоначально означало все дохристианское и нехристианское.¹⁴ Так, в дохристианском культе солнца можно усматривать причинно-следственную связь между празднеством дохристианского зимнего солнцестояния, христианским Рождеством и символическим образом рождественского золотого поросёнка, сформировавшего семантику чешской идиомы и ее варианта *pouštět prasátka, vidět/ uvidět zlaté prasátko, neudělat něco ani za zlaté prase*.¹⁵

Как известно, древний культ поклонения солнцу христианство по-своему осмыслило и приняло. В своем фундаментальном труде «Первобытная культура» Э. Тэйлор отмечал, что дата христианского Рождества не случайно совпадает со временем зимнего солнцестояния. Римский праздник зимнего солнцестояния “Рождество непобежденного солнца” (*Dies Natajís Solis invicti*), отмечавшийся 25 декабря в связи с чествованием собо́лнечного бога Митры, был установлен Аврелианом около 273 г. н. э. От него христианский праздник заимствовал свое название – Рождество Христово. Этот день был принят западной церковью, в которой он, вероятно, установился окончательно в IV в. и откуда впоследствии перешел в восточную церковь. Правда, неоднократно делались попытки обосновать дату Рождества с помощью исторических данных, но ни одно достоверное и действительно древнее христианское предание не дает для этого достаточных оснований. «Солнечное же происхождение этого праздника совершенно ясно обнаруживается в обрядах традиционной народной культуры народов Европы: в этот день зажигаются костры, хозяйки сохраняют “рождественское полено” и т. д. Приспособление прежней солнечной идеи к христианской аллегории выступает как нельзя более ясно в рождественском католическом гимне: “*Sol novus oritur*” – “Новое солнце восходит”».¹⁶ Языческому божеству Солнцу христианская религия противопоставила Христа как творца самого солнца и всего живого на земле. Следы такой оппозиции, по-видимому, можно усматривать в синонимических отрицательных формах чешских идиом *neudělat něco ani za zlaté prase – ani za (živého) boha!*¹⁷

¹³ Березович, Е. Л.: О семантико-мотивационной реконструкции лексики. In: Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки, 2014/4 (133), с. 199.

¹⁴ Рыбаков, Б. А.: Язычество древних славян, с. d., с. 13.

¹⁵ *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. Část 1.* Red. František Čermák, Jiří Hronek ... [aj.]. Praha: Academia, 1994, s. 696.

¹⁶ Тэйлор, Э. Б.: Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография И. И. Скороходова, 1897, с. 336-337.

¹⁷ *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné.* Red. F. Čermák, J. Hronek [aj.]. Praha: Academia, 1988, s. 263.

В обрядности Рождества большую роль играла магия этого дня, призванная разгадать будущее и обеспечить благополучие на следующий год. Особой сакральностью был исполнен Рождественский вечер – Щедрый вечер (по григорианскому календарю 24 декабря). Одним из обязательных было требование соблюдать пост до появления на вечернем небосклоне первой звезды. Поститься должны были не только взрослые, но и дети. В давней Богемии родители обещали детям за послушание, что вечером они увидят на небе золотого поросенка – чеш. *zlatoušek* или *zlaté prasátko* ‘золотой поросенок’, напр.: «Předpravou k Božímu Hodu vánočnímu jest Štědrý den – Štědrý večer. Dětem se slibuje, postí-li se, že budou viděti zlatoušky (zlaté prasátko)» («Подготовкой к Рождеству является Щедрый день – Щедрый вечер. Детям обещают, если они соблюдают пост, то вечером увидят золотого поросенка»);¹⁸ «Hoj, ty štědrý večere / ty tajemný svátku! / cože komu dobrého /neseš na památku! <...> Ovocnému stromovi/ od večere kosti./ a *zlatoušky na stěnu/ tomu, kdo se postí*».¹⁹ Сюжет о мифическом «золотом поросенке» развивали многие чешские писатели 19 в. – достаточно вспомнить «Бабушку (Картинки из сельской жизни)» Б. Немцовой (B. Němcová, *Babička. Obrazy venkovského života*) или сказку о золотом поросенке Й. Шваба-Малоостранского (J. Šváb-Malostranský, *Pohádka o zlatém prasátku*), хотя, конечно, этот сюжет уже демонстрировал черты сосуществования христианских и языческих идей, напр.: «Каждый год дети хотели поститься, чтобы увидеть золотого поросенка» («Každý rok chtěly se děti postit, aby viděly zlaté prasátko»)²⁰ В повести С. Подлипской «Золотой поросенок» (S. Podlipská, *Zlaté prasátko*) на вопрос сына Станислава, видел ли кто-нибудь золотого поросенка, мама объясняла: «Дитя моё, это такое сказание, такая шутка на Рождество, напоминающая какой-то прадавний пережиток. Наши предки это придумали. – Так значит он не существует? – спросил сын. – И да, и нет, мой мальчик. Это означает свет после долгой ночи, и кто умеет себя сдерживать перед голодом, тот способен увидеть свет правды в вере Христа, рождение которого мы празднуем. Так это можно объяснить» („Má dušičko,“ řekla maminka, „to je takové povídání, takový žert o Vánocích, ale je to jakási prastará památka. Naši předkové si to vymysleli o tom zlatém prasátku.“ – „Není tedy žádných?“ – „Je a není, můj hochu. Znamená to světlo po dlouhé noci. A kdo se umí přemáhat a hladu odolati, ten je schopen spatřiti světlo pravdy ve víře Kristově, jehož narození slavíme. Tak si to můžeš vyložit.“)²¹ К этому можно добавить свидетельство В. Кролмуса: «Ныне существующий обычай подбадривать детей, чтобы они на Щедрый день воздерживались от еды, то есть постились, берет свое начало в язычестве» («Posavadní obyčej odkazovati a povzbuzovati ditky, aby se o Štědrý den od jídla zdržely, a tudíž postily, z pohanských časů původ svůj má»)²² Как полагал чешский мифолог Игнац Ян Гануш, «золотой поросенок должен был служить символом возрождения солнца в рождественское время» («naše zlaté prasátko musí být pohanům v domácnosti symbolem nastavávajícího rozjaření slunce po vanočny čas»)²³

Почему именно поросенок послужил стержневым образом для народной культуры? Поросенок считался символом солнца в дохристианской мифологии. Как подчеркивал

¹⁸ Procházka, K.: *Lid český s hlediska prstonárodně-náboženského*. V Praze: Dědictví sv. Jana Nepomuckého, 1910, s. 149.

¹⁹ Erben, K. J.: *Kytice z pověstí národních*. Praha: J. Pospíšil, 1853, s. 59.

²⁰ Němcová, B.: *Babička: obrazy z venkovského života*. Praha: Vaněk a Votava, 1925, s. 156.

²¹ Podlipská, S.: *Zlaté prasátko: Paní Růžová; Prosinčové dni*. V Praze: J. Otto, 1881, s. 17.

²² Krolmus, V.: 1851: *Staročeské pověsti, zpěvy, slavnosti, hry, obyčeje, a nápěvy: ohledem na bájesloví Československé. Část 3, sešitek 12*. V Praze: Jan Spurný, 1851, s. 39.

²³ Hanuš, I.: *Bájeslovní kalendář slovanský: čili, Pozůstatky pohansko-svátečných obřadův slovanských*. V Praze: Kober & Markgraf, 1860, s. 12.

А. А. Потебня, «животные, посвященные тому самому солнечному божеству, <...> то есть животные, в образе которых представлялось это божество до своего очеловечения, были кабан, бык, олень».²⁴ Эта символика сохранилась до наших дней в чешском фразеологизме с деминутивным компонентом *prasátko – pouštět prasátka* (буквально «пускать поросят»), что означает ‘отражать в зеркале солнечный свет’. Среди чешских детей в 18 в. была распространена игра в золотого поросенка («*Na zlaté prase*»), а игры, как известно, мифологи толкуют в виде остатков языческих обрядов. Дети подбрасывали вверх круглый кусок дерева («золотого поросенка»), видимо, символизирующего солнце, и при этом кричали: «*Na nebi zlaté prase netrpíme, toliko na zemi*».²⁵ Описание словацкой игры того же названия приводят В. Кролмус и А. П. Затурецкий: дети садятся в круг, после считалочки они определяют, кто из играющих будет жмуриться и кто будет прятать у одного из участников «золотого поросенка» – кусочек дерева круглой формы. Затем участник, который в стороне жмурился, подходит к детям со словами: «*Hádala by, hádala, u koho by vedela (aneb „h’lalala“), u Marasa, u Karasa, daj ty paní zlatô prasa! (Donesiem vám zlaté prasa)*». Если он не угадает, у кого «золотой поросенок» спрятан, идет жмуриться снова, а предмет перепрятывается у другого участника игры, и так до тех пор, пока не будет найден.²⁶ Примечательно, что игра в «золотого поросенка» среди словацких детей, давно живущих на территории Венгрии, сохранила свой исконный смысл и была известна в 19 в. Как пишет Ондрей Крупа (Ondrej Krupa), посвятивший свою книгу детскому фольклору и играм словаков в Венгрии, в Чемери в эту игру играли в 30-е годы уже с песней по-венгерски. Если сравнить описанную игру в Малей Нане с игрой «Утерянный перстень» или «В золотого поросенка», можно с удивлением констатировать, что в Малей Нане текст игры с понятными словами «у Караса, у Мараса» превратился в вариант «у Касара, у Масара». Это один из примеров, как могли меняться слова или возникать переиначенные выражения в считалках и других детских стишках» («*V Čemeri hrávali túto hru na konci 30-tych rokov už s maďarskou piesňou. Ak porovnáme opísanú hru z Malej Nány s hrou “Ztratený prsteň” či “na zlaté prasa” <...>, môžeme s prekvapením konštatovať, že v Malej Náne sa text hry zo zrozumiteľných slov “u Karasa, u Marasa” pokazil na ľudový variant “Kasara - Masara”. Je to jeden z príkladov, ako sa mohli meniť slová resp. vytvárať skomoleniny výrazov vo vyčítankách a iných detských veršoch*»)²⁷

В контексте изложенного материала представляет интерес вопрос, в какой мере образ золотого поросенка получил свое языковое воплощение в словацком языке, имеющем сравнительно с другими славянскими языками самые тесные родственные связи с чешским языком. Словарь словацкого языка под редакцией Ш. Пецяра (Š. Peciar) фиксирует выражение *zlaté prasa* только в отношении упомянутой детской игры.²⁸ О её глубоких народных корнях свидетельствуют контексты, которые приводит Словацкий национальный корпус, напр.: «*Výchova dieťaťa mala svoju stáročiami vypestovanú tradíciu. Existoval tu tzv. detský slovesný folklór: uspávanky, veršovanky, povedačky, vyčítanky, rôzne hry: napr. na zlaté*

²⁴ Потебня, А. А.: Символ и миф в народной культуре. Москва: Лабиринт, 2000, с. 112.

²⁵ Hanaš, I.: Bájedlový kalendár slovanský, čili, Pozůstatky pohansko-svátečných obřadů slovanských, c. d., s. 11.

²⁶ Krolmus, V.: Staročeské pověsti, zpěvy, slavnosti, hry, obyčeje, a nápěvy: ohledem na bájesloví Československé, c. d., s. 72-74; Záturecký, A. P.: Slovenská príslovia, porekadla a úsloví. V Praze: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1896, s. 281.

²⁷ Ondrej Krupa. Omrvinky detského folklóru a hier našich Slovákov. Bekeška Čaba, 2002. Dostupný z https://www.sue.linet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/szlovakok/omrvinky_detskeho_folkloru/pages/000_Konyveszeti_adatok.htm

²⁸ Slovník slovenského jazyka III. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963, s. 423.

prasa, na zálohy, na kohúta, na slepú babu, na barana, na snopky a i.». ²⁹ В словацких сказках для детей также присутствовал образ золотого поросенка. Так, известный словацкий писатель Любомир Фелдек (Ľubomír Feldek) пояснял значение слова *zlatúšik*, опираясь на выше цитированный текст К. Я. Эрбена: «O tom, čo volá „Zlatúšik!“ , sa nepíše v nijakej knižke, iba v tejto knižke, ktorú napísal básnik Erben a volá sa Kytica, sa píše: a zlatoušky na stenu tomu, kto se postí. To je po česky. A znamená to, že ten, kto sa postí, uvidí na stene zlaté prasiatka. Zlaté prasiatko sa po česky povie zlatoušek. <...> Veď som vám hovoril, že zlaté prasiatko sa neukazuje každému a hocikedy. Ale keď sa budete celý deň postiť, tak sa vám to zlaté prasiatko aj ukáže. Večer, na stene». ³⁰ Народную традицию Щедрого дня описывает словацкая детская писательница Ярослава Блажкова (J. Blažková) в книге «Minka a Pyžaminka»: «Celý Štedrý deň sa maminka postila a nabádala aj chlapcov, aby sa cvičili v odriekaní, že potom večer uvidia zlaté prasiatko. <...> Večer pred Štedrým dňom maminka všetkých troch v škopku vydrhla, takže sa ligotali ako nové šestáky. Ráno ich, s mnohým napomínaním, vypravila do kostola». ³¹ Приведенные примеры отображают устаревшие традиции, причем с их привязкой к детским сюжетам, в традиционной народной культуре. Однако под влиянием современной рекламы ³² напиток кофолы выражение *zlaté prasiatko* может приобрести в словацком языке свою новую жизнь: «Данный неалкогольный напиток имеет самую продолжительную рождественскую рекламу о золотом поросёнке, которая стартовала в 2003 году» («Práve spomínaný nealkoholický nápoj má jednu z najdlhšie vysielaných vianočných reklám o zlatom prasiatku. Šot sa na trh dostal v roku 2003»). ³³

Необходимо отметить, что фразеологизм *uvidieť zlaté prasátko* ‘получить приятное вознаграждение’ в современном чешском узусе имеет модифицированный вариант *neudélať nič ani za zlaté prase* ‘не сделать что-либо ни за что на свете’. Именно глагольная отрицательная форма данного выражения является наиболее употребительной в современном чешском узусе, ср.: *Já bych to místo nevezl ani za zlaté prase; Vesničci bychom nevyměnili ani za zlaté prase, jak se říká.* ³⁴ Такую же тенденцию в дискурсивных практиках демонстрирует и словацкий язык, сравним примеры: *Mužik sa zasmial hrozivo ako kovbojový Jack Zabijak a šiel preč. „Počkajte! Tak ako?“ Obzrel sa: „Na Februárku? Ani za zlaté prasa!“; „Ja by som tam nešiel, ani keby mi dali zlaté prasa. Mne to tu stačí,“ dodal v záchvate úprimnosti;* ³⁵ *Prečo nechcem byť celebrita ani za zlaté prasa... <...> Ani za stádo zlatých prasiat! Mám rada obyčajný život. Je plný drobných radostí i starostí a je naozajstný!* ³⁶ В целом же на данном этапе можно констатировать, что истоки образа золотого поросенка в словацком языке и культуре предполагают специальное исследование.

Кроме «золотого поросёнка», в игре дети также прятали, как упоминалось, золотой перстень, ср.: «В космогонических верованиях славян солнце обычно описывается как золотое колесо или золотое кольцо». ³⁷

²⁹ Slovenský národný korpus – prim-6.0-public-all. Bratislava: Jazykovedný ústav E. Štúra SAV 2013. Dostupný z www: <https://korpus.juls.savba.sk>.

³⁰ Slovenský národný korpus, c. d.

³¹ Slovenský národný korpus, c. d.

³² Kofola Zlaté prasiatko. <https://www.youtube.com/watch?v=SE9yZ0UIS4s>

³³ Slovenský národný korpus, c. d.

³⁴ Český národní korpus. Dostupný z www: <https://kontext.korpus.cz/>

³⁵ Slovenský národný korpus – prim-6.0-public-all. Bratislava: Jazykovedný ústav E. Štúra SAV 2013. Dostupný z www: <https://korpus.juls.savba.sk>.

³⁶ Блог Зузани Кошчове: <https://zuzanacoskova.blog.sme.sk/c/197153/Preco-nechcem-byt-celebrita-ani-za-zlate-prasa.html>

³⁷ Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. 2-е изд. Москва: Международные отношения, 2002, с. 190.

В разных чешских регионах народные ассоциации животных с названиями первой Рождественской звезды могли варьироваться, но все они были золотые, а «золото относится к свету»:³⁸ *zlaté prasátko, zlaté tele, zlatý beránek* и др., ср.: «В районе Климковиц при первом ударе рождественского колокола на костеле по небу плывет золотой теленок» («Na Klimkovsku pluje zlaté tele při prvním hlalolu štědrovečerního zvonění na obloze»),³⁹ ср. синонимическое выражение, в котором золотого поросенка замещает золотой теленок: *neudělat něco ani za zlaté tele*.⁴⁰

У многих европейских народов – украинцев, русских, чехов, поляков, словенцев, сербов, хорватов, немцев, англичан – употребление свинины как обязательного обрядового кушанья на Рождество также являлось отголоском дохристианского культа солнца. В литературе есть немало тому свидетельств, например, у сербов к Божичу колют поросенка, который называется *божура, божурица* или в других местах, равно как и у хорватов, – *заоблица*.⁴¹ В чешском фольклоре отражена та же символика: «*Na sv. pannu Kateřinu/ sluší se schovati pod peřinu;/ pak na sv. Mikuláše,/ tuť je zima všecka naše./ Zabíjej vepře a svině,/ ať se klobásek najíme;/ v ty doby sedláčkově na kamnách sedí/ a jelita s uzeným masem jedí*». ⁴² В Украине доньше щедруют: *Щедрик-ведрик! Дайте вареник, Грудочку кашки, Кільце ковбаски*. Ту же символику сохранили пословицы: чешская *Vánoce jsou vánoce, a pečeně jest jejích sestra* и сербская *Божич је Божић, а пециво је му брат*.⁴³

Связь приведенных обычаев с солнцем доказывается тем, что у германцев кабан был посвящен и приносился в жертву солнечному богу, сканд. Фрейру = нем. Фро.⁴⁴ По материалам исследований Э. Тэйлора, обычай шведов печь на святках пирог в форме кабана – это остаток обряда, которым свинья приносилась в жертву Фрейру. В то же самое время Оксфорд празднует воспоминание прародительской церемонии, внося свиную голову в королевскую коллегия под звуки песни: «*Carut apri defero, Reddens laudes Domino*» – Приношу голову кабана, воздавая хвалу господу». ⁴⁵

Следует также упомянуть, что Й. Юнгманн в своем словаре связывает толкование слова *prasátka* со звездами в созвездии Быка.⁴⁶ отождествление солнца со звездой и обж разом поросенка в западнославянских верованиях можно толковать как идею рождения солнца ночью, когда его в небе не видно, оно где-то среди звезд или само является симт волом первой звезды, появившейся в сакральную ночь. Ян Гануш упоминает об обычае, согласно которому в полночь рождественской ночи родители показывали детям на небе Денницу (планету Венеру), чеш. *Zvířetnice, planeta Venuše, jitřenka, večernice* вместе с другими звездами, называя их «свиньей с поросятами». В мифологии славянских народов, прежде всего сербов, Денница, звавшаяся Даница или Прея (у немцев Фрея), является родственницей Солнца и Месяца.⁴⁷ Иное толкование заключается в том, что в славян-

³⁸ Потебня, А. А.: Символ и миф в народной культуре, с. д., с. 31.

³⁹ Vyhřídál, J.: Církevní rok s dětmi slezské. In: Český lid. 1900/IX, s. 404-405.

⁴⁰ Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. Část 2. Red. František Čermák, Jiří Hronek ... [aj.]. Praha: Academia, 1994, s. 190.

⁴¹ Потебня, А. А.: Символ и миф в народной культуре, с. д., с. 112-113.

⁴² Zíbrt, Č.: Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy prstonárodní pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk: Příspěvek ke kulturním dějinám českým. Praha: Jos.R. Vilímeck, 1889, s. 219.

⁴³ Čelakovský, F. L.: Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. 3. vyd. Praha: Vyšehrad, 1949, s. 550.

⁴⁴ Потебня, А. А.: Символ и миф в народной культуре, с. д., с. 114.

⁴⁵ Тэйлор, Э. Б.: Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев, с. д., с. 433.

⁴⁶ Jungmann, J.: Slovník česko-německý. Díl III., P-R. Praha, 1837, s. 434.

⁴⁷ Hanuš, I.: Bájeslovní kalendář slovanský, čili, Pozůstatky pohansko-svátečných obřadův slovanských, с. д., s. 12-13.

ском фольклоре звезды персонифицировались так же, как месяц и солнце, и выступали как «дети» Солнца и Месяца.⁴⁸

Можно предположить, что проводником золотого поросёнка на чешскую почву послужила германская культура. Однако пути такого заимствования требуют отдельных разысканий. Я. Гримм объяснял поверье о золотом поросёнке тем, что с давних пор в этот день поросенок был последним кушаньем за ужином.⁴⁹ Тем не менее наличие в современном немецком языке разговорного выражения *Schwein haben* (букв. иметь свинью) в значении 'иметь удачу, иметь счастье'⁵⁰ может служить аллюзией на некий мифологический факт, закрепленный в текстовой культуре. На суверенную связь поросенка с идеей счастья и удачи указывает также чешское словосочетание *sáhnout si pro štěstí na prasátko*.⁵¹ Примечательно, что копилка для мелких монет также имела форму поросенка (поначалу глиняного).

На фоне образа золотого поросёнка в народной культуре западнославянских народов привлекают внимание идиоматические выражения в восточнославянских языках: рус. *солнечный зайчик, пускать зайчики, зайчики на стене*, укр. *сонячний зайчик, пускати зайчиків, зайчики на стіні*, блр. *сонечны зайчык, зайчыкаў пускаць*, слвен. *delati zajčke z ogledalom*, пол. *puszczać zajaczki*⁵² с тем же значением: 'движущееся пятнышко от отраженного солнечного луча'. Насколько соизмеримыми по архаике и символике являются эти выражения? Ответ на этот вопрос не представляется однозначным.

Заяц в сфере народной духовной культуры осмыслялся амбивалентно. С одной стороны, он воспринимался как носитель исключительно положительных качеств, связанных с любовно-брачной символикой, напр. *ловить зайца* «в свадебном обряде перегораживать лицо для того, чтобы задержать поезд жениха с требованием выкупа за невесту».⁵³ С другой стороны, его считали животным, имеющим прямое отношение к нечистой силе, связанным с бедой, болезнью и даже смертью.⁵⁴ Согласно этнографическим записям П. П. Чубинского, заяц сотворен чертом, он ему служит передовым. Если заяц перебежит кому-нибудь дорогу, то с тем человеком случится какое-нибудь несчастье.⁵⁵ Эта примета закрепились в некоторых славянских поговорках: укр. *Боїться, щоб йому заєць дороги не перебіг*,⁵⁶ *Заяц дорогу перебежит – к несчастью*.⁵⁷ М. И. Михельсон⁵⁸ характеризует это поверье как весьма старое, ссылаясь на Эразма Роттердамского. Известный украинский этнограф и фольклорист Н. Ф. Сумцов также отмечал демоническое значение зайца: в немецких поверьях и сказках ведьма превращалась в зайца, заяц мог превращаться в большую собаку или даже в осла, упоминался также треногий заяц, предвещавший человеку смерть через три дня.⁵⁹ На фоне противоречивых народных представлений о зайце

⁴⁸ Славянская мифология: Энциклопедический словарь, с. d., с. 176.

⁴⁹ Потебня, А. А.: Символ и миф в народной культуре, с. d., с. 115.

⁵⁰ Бинович, Л. Э.: Немецко-русский фразеологический словарь. Москва: Аквариум, 1995, с. 590.

⁵¹ Slovník spisovného jazyka českého. Za ved. V. Havránka. D. II. Praha: Academia, 1964. <https://ssjc.ujc.cas.cz/>

⁵² Skorupka, S.: Słownik frazeologiczny języka polskiego. T. 2. R-Z. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1968, s. 737.

⁵³ Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА, 2010, с. 248.

⁵⁴ Гура, А. В.: Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 1997, с. 177-199.

⁵⁵ Чубинский, П. П.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1872, с. 55.

⁵⁶ Номис, М.: Українські приказки, прислів'я і таке інше. Київ: Либідь, 1993, с. 51.

⁵⁷ Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА, 2010, с. 366.

⁵⁸ Михельсон, М. И.: Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. Москва: Русские словари, 1994, с. 339.

⁵⁹ Сумцов, Н. Ф.: Заяц в народной словесности. Москва: Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсока, 1891, с. 71.

выяснить ассоциации, по которым заяц как-то связан с солнцем, весьма затруднительно. Так, в Ипатьевской летописи, одном из древнейших русских летописных сводов и важнейших документальных источников по истории Киевской Руси, упоминается о поклонении литовцев заячьему богу, а в литовских песнях встречается какой-то темный намек на отношение зайца к солнцу. Н. Ф. Сумцов высказывал предположение, что «здесь выступает первобытный, по-видимому, общечеловеческий космогонический миф, в котором заяц играл роль бога, принимающего участие в сотворении мира, светил небесных и человека». ⁶⁰ К этому добавим, что в славянских диалектах отмечены следы взаимосвязи образа зайца и огня (которого можно соотносить с огнем солнца), ср. «Зайчик – синий огонек на горячих, не вполне перегоревших углях. Погоди закрывать трубу: еще зайчики пропрядывают», ⁶¹ *пустить зайчика* «совершить поджог», ⁶² а в разговоре с детьми огонь называли словами *зай, зайко, заенька* (в Ярославской, Вологодской, Тверской губерниях). ⁶³ Образ такого зайчика-огонька обыграл в своей сказке «Огневушка-поскакушка» Павел Бажов. «Огневушка» появлялась в костре на неперогоревших углях, поскакивала по нему, а затем прыгала, указывая на то место, которое следовало раскопать и добыть золото: там среди песка «прямо руками золотины выбирать».

В народных поверьях заяц, появляющийся вблизи жилья, служил предвестником пожара. Так, в Белоруссии считали, что если в новую хату во время строительства забежал заяц, то она непременно сгорит. Примета, согласно которой заяц, забежавший в село или пробежавший через него, вызывает пожар, известна русским, украинцам, белоруссам, полякам, чехам, лужичанам. ⁶⁴ В то же время в народной культуре восточных славян, в частности в детском фольклоре, заяц упоминается в связи с луной, а не с его противоположным образом – солнцем. Н. Ф. Сумцов приводит пример детской игры в зайца в Купянском уезде в Харьковской области в 19 веке: дети становятся в круг, один из них выходит в середину круга и начинает считать, указывая на каждого пальцем и говорит: «*Заяць-місяць, де ти був? – В лісі. – Що робив? – Листя рвав і т.д.*», на кого падает последнее слово считалочки, тот “серый заяц”. ⁶⁵

В современных славянских языках именно уменьшительная форма *зайчик* является обозначением светового явления, которое отражается на поверхности чего-либо за счет света, отраженного от зеркала или воды: рус. *зайчик*, укр. *зайчик* ‘светлое пятнышко от солнечного луча; вид детской игры’, ⁶⁶ блр. *зайчык*, слвен. *zajček*, пол. *zajczek*. С этим словом связаны производные фразеологические значения: укр. *зайчики в голові стрибають у кого* ‘кто-то легкомысленный, беззаботный’, ⁶⁷ пол. *mieć zajczki w głowie* ‘быть не в своем уме’. ⁶⁸

Как показывает материал, уменьшительно-ласкательная форма *зайчик* в восточнославянских языках находится в таком же отношении к речи, обращенной к детям, детским играм, сказкам, как слово *prasátko* и *prasiatko* в чешском и словацком языках. Поэтому возникает вопрос, какая связь, генетическая или типологическая, между архаическими

⁶⁰ Сумцов, Н. Ф.: Заяц в народной словесности, с. д., с. 73.

⁶¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Ленинград: Наука, 1974, с. 110. <https://iling.spb.ru/>

⁶² Мокленко, В. М. – Никитина, Т. Г.: Большой словарь русских поговорок, с. д., с. 242.

⁶³ Словарь русских народных говоров. Вып. 10, с. д., с. 105. <https://iling.spb.ru/>

⁶⁴ Гура, А. В.: Символика животных в славянской народной традиции, с. д., с. 193.

⁶⁵ Сумцов, Н. Ф.: Заяц в народной словесности, с. д., с. 77.

⁶⁶ Етимологічний словник української мови. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1985, с. 223.

⁶⁷ Фразеологічний словник української мови. Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. Київ: Наукова думка, 1993, с. 306.

⁶⁸ Skorupka, S.: Słownik frazeologiczny języka polskiego. T. 2. R-Z, с. д., s. 737.

народными представлениями, застывшими в образных выражениях *zlaté prasátko*, *zlaté prasiatko* и *солнечный зайчик*? На основании имеющихся данных можно констатировать наличие взаимосвязи двух образов лишь в самом общем виде, а потому и сложность реконструкции глубинной семантики мотива зайца-солнца. Вероятно, в восточнославянских языках изначально было распространено метафорическое значение слова *zajčik* 'солнечный свет', а затем данная ассоциация явилась деривационной базой для устойчивого словосочетания *солнечный зайчик*. В пользу такой версии свидетельствует также тот факт, что, несмотря на широкую известность в восточнославянских языках выражения *солнечный зайчик*, фразеологические словари его не фиксируют, оно, вероятно, сравнительно более позднего происхождения, чем идиомы чеш. *zlaté prasátko* и словц. *zlaté prasiatko*. В русском языке выражение *солнечный зайчик*, возможно, восходит к стихотворению Р. Рождественского «Кораблик», которое обрело свою песенную версию в фильме «Еще раз про любовь»: *А весной линяют разные звери, Не линяет только солнечный зайчик*.

Выводы. На основании вышеизложенного можно полагать, что славянский мотив солнечного поросёнка и солнечного зайчика находится не в генетической, а в типологической связи. Внутренняя форма идиомы *zlaté prasátko* прочитывается как свернутый текст в единстве его функциональной (календарной обрядности) и семантической характеристики. Опираясь на программный тезис Н. И. Толстого о том, что для достоверной реконструкции фразеологизма важно (или желательно), чтобы он был представлен не во всех славянских языках (или) диалектах,⁶⁹ можно выдвинуть предположение, что закреплённость образной символики золотого поросёнка за определенной географической зоной славянского мира, а именно чешской, а затем, вероятно, словацкой, свидетельствует в пользу древности данной народной лингвокультурной традиции на фоне восточнославянских языковых соответствий. Надлежит также отметить, что идиоматика, сохранившая в себе мифологические следы, представляет собой продукт речемыслительной деятельности позднейшего происхождения и отражает смешение языческого с христианским. При этом в древних верованиях, приметах, обрядах важно видеть не дикость, суеверия и предрассудки, а остатки другого мироощущения, другой правды, которые восходят к культуре иного типа.

⁶⁹ Толстой, Н. И.: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике, с. d., с. 389.